

Е. В. Кашкин

ХАНТЫЙСКИЙ СЛОВАРЬ СВЯЩЕННИКА ВОЛОГОДСКОГО: ОСОБЕННОСТИ ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ¹

В статье рассматриваются особенности графики одного из письменных памятников хантыйского языка — русско-хантыйского словаря, составленного священником Вологодским (1842 г.). Ранее языковые особенности этого памятника не были детально описаны; имеется лишь краткая информация об истории его создания. Приводится инвентарь использованных в словаре графических символов, для каждого из них в сопоставлении с данными современных западных хантыйских диалектов делаются предположения о возможных фонологических соответствиях. Обсуждаются возможные фонетические особенности тех идиомов, которые были задокументированы составителем словаря. Показано, что в словаре Вологодского сочетаются черты обдорского и березовского диалектов; при этом в разных элементах системы могут проявляться признаки, свойственные разным диалектам (так, в памятнике наблюдается во многих примерах смешение букв *o* и *a*, что может отражать дистрибуцию фонем /ɔ/ и /a/ в обдорском диалекте, но за единичными исключениями не происходит ожидаемого для этого диалекта смешения букв *ш* и *с* и соответственно фонем /ʃ/ и /s/). В некоторых случаях можно вместе с тем предполагать, что графическая система памятника не отражает со всей возможной дробностью некоторые из существующих в хантыйском языке фонологических противопоставлений (ср. отсутствие разных символов для фонем /a/ и /ǎ/, устойчиво противопоставленных в западных хантыйских диалектах). Отдельно обсуждаются некоторые закономерности постановки словесного ударения, в частности случаи его постановки не на первом слоге (что реализовывало бы наиболее ожидаемую модель) и наличие в памятнике двух разных знаков ударения: основного, наиболее частотного, и некоторого второстепенного, встречающегося во многих служебных словах, но также и в ряде знаменательных слов.

Ключевые слова: хантыйский язык, письменные памятники, графика, фонетика, ударение.

1. Введение

Статья посвящена одному из письменных памятников хантыйского языка — русско-хантыйскому словарю, который был составлен священником Вологодским². Как указано на первой странице словаря, он «списан с нового дополненного и переправленного списка» в 1842 г. Насколько нам известно, языковые особенности этого памятника ранее проанализированы не были. В настоящей статье мы рассмотрим его графику, на основании которой можно строить предположения о фонетической системе задокументированных в нем хантыйских идиомов.

Словарь Вологодского хранится в Архиве РАН в Санкт-Петербурге (его сканированная копия доступна у автора статьи). Обновляемая оцифрованная версия с указанием соответствий в казымском диалекте размещена на платформе LingvoDoc³. Цитаты из памятника приводятся в статье по электронной версии без указания страниц из рукописи.

Материал словаря сопоставляется с данными из других опубликованных источников по западным хантыйским диалектам. В первую очередь мы приводим соответствия из казым-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Имя (инициал) священника Вологодского в разных источниках приводится по-разному. Так, в (Перевалова, 2004: 75; Цысь, 2013: 637) упоминается Лука Вологодский, в (Ядобчева-Дресвянина, 2004: 18–19; Языки России) — П. Вологодский.

³ См. <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2617/6/perspective/2617/7/view>; <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/2617/6/perspective/2617/8/view>

ского диалекта, который в наибольшей степени претендует на статус «литературного» варианта — с этим же связано и принятое на платформе LingvoDoc техническое решение приводить для западных хантыйских материалов именно казымские соответствия (по словарю (Соловар, 2014)). В то же время, учитывая весьма пеструю диалектную структуру хантыйского языка, во многих случаях мы приводим сопоставления и с другими диалектами.

Деятельность священника Вологодского, связанная с созданием письменных источников на хантыйском языке, упоминалась в ряде работ предшественников. Так, известно, что в середине XIX в. он перевел Евангелие от Матфея на «смешанный березово-обдорский» диалект (Штейниц, 1937: 198; Кошкарёва, 2013: 53). В нашем распоряжении имеются фрагментарные сведения о биографии Вологодского. Согласно (Хантыйская литература, 2010: 370), он был священнослужителем в обдорской миссии, изучил хантыйский язык и перевел отрывки из Евангелия, а также составил русско-хантыйский словарь. В (Перевалова, 2004: 75) сказано, что Вологодский был воспитанником Тобольской духовной семинарии и хорошо знал хантыйский язык; в 1832–1833 гг. он принимал участие в православной миссии в районе Березово (в (Кошкарёва, 2013: 53) также упомянута его миссионерская деятельность в Березово). В (Цысь, 2013: 637–638) утверждается, что труды Вологодского были отправлены в Священный Синод и затем в Академию наук, однако затем Вологодский отказался от продолжения работы, столкнувшись с требованиями внести в свой словарь целый ряд изменений.

Словарь Вологодского содержит большой объем лексики хантыйского языка, дается много примеров хантыйских фраз (часто в качестве отдельных входов). Словарь содержит как общеупотребительные хантыйские слова и выражения (ср. *либ'гидта* 'вымыть' — каз. *лухэты*, *ла'пъ хы'ры лата* 'зарывать' — каз. *лпн хирыйэлты*), так и хантыйские переводные эквиваленты для новых реалий, в частности относящихся к православию (ср. *со'рмынгъ кре'къ* 'смертный грех', *е'мынга ве'рымъ ю'хъ во'й* — каз. *йсмэңа верэм йўх вуй* 'елей освященный; букв.: святым сделанное древесное масло', *е'мынгъ тутъ а'л'лита а'нь* — каз. *йсмэң тутъ а́льэты ан* 'кадило; букв.: священный огонь несущая чаша'). Большинство словарных входов подается без идиомной привязки, но при некоторых имеются пометы о принадлежности к березовскому и обдорскому⁴ диалектам.

Хантыйские слова записаны в словаре в кириллической графике. Введены некоторые специальные символы, отсутствующие в русском алфавите, см. об этом далее при описании конкретных графем. После конечных твердых согласных используется буква ъ, не обозначающая никакого звука.

Далее в разделе 2 обсуждаются характеристики вокализма (использования букв для гласных), а в разделе 3 — особенности постановки ударения в словаре. Раздел 4 посвящен консонантизму (использованию букв для согласных). В разделе 5 подводятся итоги.

2. Вокализм

2.1 Первый слог

Рассмотрим подробно систему вокализма первого слога (о различиях в инвентаре гласных в первом и в непервых слогах в хантыйском языке см., например, (Кошкарёва, Соловар, 2007: 5–7)).

Фонема /a/ передается чаще всего буквой *а* (*ва'нна* 'близко' — каз. *ванэн*; *та'зингъ* 'богатый' — каз. *тацэң*; *а'й не* 'молодая женщина' — каз. *ай не*) либо после палатализованных согласных буквой *я* (*ня'лымна* 'языком' — каз. *нядэмэн*; *ня'рнянь* 'тесто; букв.: сырой хлеб' — каз. *ñar ньаъ*). Сочетание /ja/ также передается буквой *я* (*ар_я'зынгъотъ* 'много-

⁴ В литературе данный диалект также обозначается как приуральский.

словный' — каз. *ар йасэңни ут; я'нземата* 'выпить' — каз. *йаңыцэмэты*). Реже встречается передача фонемы /a/ буквой *o*: *ко'рды са'рь* 'заступ; букв.: железная лопата' — каз. *карты сáр; тора'мдта* 'сделать твердым, крепким' — каз. *тарэм* 'твердый, крепкий'. Вероятно, в этих случаях составитель пытался передать лабиализацию, которая отмечалась при произнесении /a/ в обдорском диалекте в (Николаева, 1995: 25), ср. также специфический для обдорского диалекта вариант *kortí* 'железо' в (DEWOS: 685).

Фонема /ǎ/ чаще всего обозначается также буквой *a* либо после палатализованных согласных буквой *я*, см. *ланга'та* 'хотеть' — каз. *лаңхаты; ка'ленгъ* 'алый' — каз. *кадэң; са'къ* 'бисер' — каз. *сáк; ла'пъ ха'ньта* 'зажмурить' — каз. *лап хáньты; ся'кыра* 'скупо' — каз. *щáкэра; ня'хшемата* 'чихать' — каз. *ня́хтэты*. Неразличение в графике фонем /a/ и /ǎ/, однако, широко распространено в текстах на хантыйском языке, относящихся к разным диалектам и созданным в разные периоды, поэтому об отсутствии их фонологического противопоставления в идиомах, зафиксированных в словаре Вологодского, говорить нельзя. Реже в памятнике встречается передача фонемы /ǎ/ буквой *ы* (*хы'зимоть ма'та* 'додать; букв.: оставшуюся вещь дать' — каз. *хáцэм ут мáты; хы'у'лата* 'кидать' — каз. *хáйльэты; ны'нгъ 'ты'*⁵ — каз. *нáң*), буквой *e* (*сед'a* 'здесь' — каз. *щáта; селе'мыпса* 'визг' — каз. *щáлыты* 'визжать'; *те'ртьякъхо* 'свидетель' — каз. *тáртьяк хө*) и буквой *и* (*ни'лна* 'по четыре' — каз. *нáл* 'четыре'). Сочетание /jǎ/ передается буквой *я* (*я'нгыпса* 'хождение' — каз. *йáңхэпсы*), *и* (*имазипсаингъ* 'мирный' — каз. *йáмацэпсы́йэң; и'мверыпса* 'милостыня' — каз. *йáм верэпсы*) или *e* (*ег'a* 'вместе' — каз. *йáха; е'мпелакъ* 'правая сторона' — каз. *йáм пелэк; о'вы ека'нь* 'дверной засов' — каз. *ов йáкан*). Передача фонемы /ǎ/ буквами, используемыми для обозначения гласных фонем переднего ряда, может объясняться ее упрежденным характером (см. (Steinitz, 1975: 4, 182; Куркина, 2000: 57; Иванов, 2010: 5)). Такие варианты фиксируются и в (DEWOS: 576, 1048) для различных диалектов, ср. 'четыре' — *ńil* в обдорском диалекте и *ńilə* в низямском, 'оставаться' — *χís-* в обдорском диалекте, *χís-* в низямском и шурышкарском и др.

Фонема /i/ передается, как правило, буквой *и* (*и'ми* 'баба, женщина' — каз. *ими; ки'мъ* 'наружу' — каз. *ким; и'нзиста* 'спросить' — каз. *иңыцэсты; ми'сэ* 'корова' — каз. *мис; ни'тымъ* 'линялый; букв.: упавший' — каз. *питэм; си'хъ ю'удта* 'застрелить' — каз. *щих йáвэтыты*), реже буквой *ы* (*кы'рымъ* 'впряженный' — каз. *кирэм; пы'рыимъ* 'выборный' — каз. *пирыйэм; хы'рымъ* 'выкопанный' — каз. *хирэм; ки'тыпса* 'командировка; букв.: послание' — каз. *китэпсы*). Сочетание /ji/ также передается буквой *и* (*и'лыпъ э'зымъ и'нкъ* 'свежее молоко; букв.: новая грудная вода' — каз. *йилэп есэм йиңк; а'я и'та* 'молодеть; букв.: становиться молодым' — каз. *айа йиты; и'рь* 'край, сторона' — каз. *йир*)⁶.

Вариант данной фонемы /i/ (*ы* в системе записи (Соловар, 2014)) передается буквой *ы* (*лыбынды* 'бабочка, мотылек' — каз. *лыпэнта; лы'лдтата* 'мешать' — каз. *дыдэтыты; лы'кынгá* 'досадно' — каз. *дыкэңа; ты'лись* 'луна' — каз. *тылэщ; сы'сэ* 'между' — каз. *сыс; ны'пые* 'котомочка' — каз. *ныпыйэ*), в отдельных словах буквой *и* (*ли'бия* 'внутри' — каз. *дытийа; ли'лынганá* 'живо' — каз. *дылэңа*).

Фонема /e/ передается в памятнике буквой *e* (*се'высэ* 'корма' — каз. *сэвэс; не'лта* 'жрать' — каз. *нэдыты; ве'лымъ* 'убитый' — каз. *вэдым*), в начале слова буквой *э* (*э'вытымъ* 'вырезанный, высеченный' — каз. *эвэдым; э'ви* 'дочь' — каз. *эви*). Сочетание /je/ также передается буквой *e* (*е'дишптыта* 'доделывать' — каз. *йэтишэптыты; е'лнашикъ* 'далее' — каз. *йэдынишэк*). Те же соответствия устанавливаются со звуковой единицей, обозначаемой в литературе по казымскому диалекту буквой *ε*, специфической для казымского диалекта и имеющей в нем спорный фонологический статус (см. (Кошкарева, Соловар, 2007: 6)):

⁵ Варьирование формы данного местоимения может иметь и морфологическую природу, см. (Кашкин, 2019: 33–34) и приводимые в цитируемой работе ссылки.

⁶ Для казымского слова *йна* 'действительно' в памятнике зафиксировано соответствие *ен'a*.

се'нкыпса 'биение' — каз. *сеңкәпсы*; *ше'нкъ* 'очень' — каз. *шеңк*; *ме'нтыпса* 'сгибание' — каз. *ментәпсы*; *э'дыра и'съ* 'стало ясно' — каз. *этәра йис*; *э'нымь* 'взрослый' — каз. *енмәм*; *е'мынгъ* 'святой' — каз. *йемәң*; *ла'нь е'рдта* 'заградить' — каз. *ләп йертты*.

Непростой проблемой является инвентарь (и варьирование) огубленных гласных в западных диалектах хантыйского языка, а также отражение этих гласных. Фонеме /ɔ/ казымского диалекта (обозначается буквой *o* в (Соловар, 2014)) в словаре Вологодского соответствует, как правило, буква *o*: *о'мсысь* 'сел' — каз. *омсәс*; *хо'тъ* 'дом' — каз. *хот*; *то'вы во'тъ* 'весенний ветер' — каз. *тови вот*; *по'стыта* 'заметить' — каз. *постәты*; *ло'тые* 'лунка, ямочка' — каз. *лотыйэ*. После палатализованных согласных либо для передачи сочетания с /j/ используется графема *iō (iö)*⁷: *ниō'рси на'й* 'кустарник' — каз. *норци пай*; *сиō'съ* 'час' — каз. *щос*; *iō'у'лыта* 'метать' — каз. *йовәдты*; *iō'шпадь* 'ладонь' — каз. *йош пәты*; *iō'нтсыстане* 'швея' — каз. *йонтәсты не*; *iō'лхынгъ* 'влажный' — каз. *йолхәң*.

В нескольких примерах соответствием казымского /ɔ/ выступает буква *a* (после палатализованных согласных и в сочетании с /j/ буква *я*): *ха'ньсытотъ* 'больной' — каз. *хоңци ут*; *ва'шь* 'город' — каз. *вош*; *То'рымъ на'иксята ве'ръ* 'молитва' — каз. *Төрәм пойәкцәты вер*; *ня'хшиметь* 'жабры' — каз. *нохщәм*; *ся'рась* 'море' — каз. *щорәс*; *я'хъ* 'люди' — каз. *йох*. Эта фонетическая особенность выделена для обдорского диалекта, в частности, в (Honti, 1986: 13). В (DEWOS: 318, 1552) подобные примеры регулярны также для обдорского диалекта, но иногда отмечаются и в других диалектах: *was* 'город' в обдорском⁸, *χaś-* / *χaiś-* 'болеть' в обдорском, *jaχ* 'люди' в обдорском, березовском и иртышском.

Фонеме /ɔ/ казымского диалекта (обозначается в (Соловар, 2014) буквой *ə*) в словаре Вологодского соответствует буква *o* (*то'рымъ* 'бог' — каз. *төрәм*; *шога'сьта хо* 'вдовец; букв.: страдающий человек' — каз. *шөкацты хө*; *во'нда* 'до' — каз. *вөнта*; *ко'рь* 'печь' — каз. *көр*; *шо'миши ла'нтъ* 'пшеничная мука' — каз. *шөмиши дант*; *о'го'ль ку'рь* 'копыль'⁹; букв.: нога саней' — каз. *өхәд күр*) либо буква *u* (*ру'д'ла* 'безродный' — каз. *рөтды*; *но'вы у'бытны* 'беловолосый' — каз. *нуви өпәтти*; *ту'та* 'везти' — каз. *төты*; *ну'птынгъ* 'вековой' — каз. *нөптәң*; *ту'хрыпса* 'запор' — каз. *төхрәпсы*; *му'рохъ* 'морозка' — каз. *мөрәх*; *у'мысь* 'моло, милый' — каз. *өмәц*; *ху'ль* 'кашель' — каз. *хөл*).

В тех примерах, где указывается принадлежность словарных единиц к обдорскому либо к березовскому диалекту, в соответствиях казымской фонемы /ɔ/ обнаруживаются диалектные различия. В записи слов березовского диалекта в этом случае используется буква *u*, в записи слов обдорского диалекта — буква *o*: каз. *төп* 'едва' — в памятнике *ту'нь* (бер.), *то'нь* (обд.); каз. *мөшмәдтәм* 'изувеченный' — в памятнике *му'жмы'лтымъ* (бер.), *мо'жмы'лтымъ* (обд.); каз. *ким мөрәтты* / *хул мөрәтты* 'выломать' — в памятнике *ки'мъ му'ридта* (бер.), *хо'ль мо'ридта* (обд.); каз. *нөмән вөдты шөп* 'верхняя часть' — *ну'мынь у'лта шу'нь* (бер.), *но'мынь у'лта шо'бть* (обд.); *хөсда* 'тихо' — в памятнике *ху'с'ла* (бер.), для обдорского диалекта дан вариант с другим корнем (*ши'такъ*). Это соответствие между диалектами упомянуто и в (Николаева, 1995: 10).

После палатализованных согласных и в сочетании с /j/ фонеме /ɔ/ соответствует буква *y* (*ню'румъ* 'болото' — каз. *нөрәм*; *ню'лдтыпсаингъ* 'клятвенный' — каз. *нөдәпсыйәң*; *ю'г'лые* 'небольшой лук (оружие)' — каз. *йөхдыйэ*; *ю'жъ* 'дорога' — каз. *йөш*), встречается также сочетание *iō* (*хо'тъ iō'рь* 'домовладелец; букв.: сила дома' — каз. *хот йөр*).

Фонеме /ɔ/ казымского диалекта (в (Соловар, 2014) обозначается буквой *y*) в памятнике соответствует буква *o* (*по'таръ* 'рассказ' — каз. *путәр*; *мо'рт'ла* 'безмерно' — каз. *муртды*; *отиш'ма* 'глупо, бессмысленно' — каз. *утишамә*; *ло'нәта* 'войти' — каз. *луңты*; *хо'ды* 'как' — каз. *хуты*; *ло'нсякъ* 'мыло' — каз. *луңцәх*; *ро'нынгъ* 'медленный' — каз. *рунәң*; *во'й*

⁷ Вместо буквы *i* в этом и в рассматриваемых далее случаях встречается также буква *ï*.

⁸ Об употреблении фонем /š/ и /s/ см. в разделе 4.

⁹ Брусок в полосьях саней.

‘масло’ — каз. *вуй*; *по́рта* ‘кусать’ — каз. *пурты*), в некоторых случаях буква у (*ху́мбъ* ‘волна’ — каз. *хумп*; *му́хты* ‘сквозь’ — каз. *мухты*; *му́й* ‘ли’ — каз. *муй*; *ху́ръ* ‘лик’ — каз. *хур*; *су́гумъ* ‘нить’ — каз. *сухам*; *ту́итъ* ‘сани’ — каз. *туйэт*). После палатализованных согласных или в сочетании с /j/ используется последовательность *io* (*io*): *лио́гытымъ* ‘мытый’ — каз. *лухэтэм*; *лио́гыдта* ‘вымыть’ — каз. *лухэтты*; *нио́лымиъ* ‘облизанный’ — каз. *нудыйэм*; *нио́га* ‘мясо’ — каз. *нухи*; *ибу́ра* ‘кривой’ — каз. *йувра*; *ио́ндта* ‘играть’ — каз. *йунтты*; *ио́хла* ‘назад’ — каз. *йухлы*. В отдельных случаях встречается буква ю (*ю́урдта* ‘завить’ — каз. *йувэртты*).

Фонеме /j/ казымского диалекта (обозначается буквой *й* в (Соловар, 2014)) в словаре Вологодского соответствует, как правило, буква у либо после палатализованных согласных и в сочетании с /j/ буква ю: *ну́мъ* ‘верхний’ — каз. *нум*; *ку́ль* ‘бес’ — каз. *кўль*; *ки́мъ* у́мта ‘вычерпать’ — каз. *ким ўмты*; *ту́нкынѣ* ‘мшистый’ — каз. *тўнкэң*; *лу́нгтыпса* ‘чтение’ — каз. *лўңэтэпсы*; *сю́ртемата* ‘зачеркнуть’ — каз. *шўртэмэты*; *ню́ки* ‘кожа, замша’ — каз. *нўки*; *ю́умъ* ‘ставший’ — каз. *йўвэм*; *ю́гъ* ‘дерево’ — каз. *йўх*.

В словах, начинающихся с /w/, отмечено также соответствие казымской фонемы /j/ и графемы *ы* в памятнике: *вы́рла* ‘бескровный’ — каз. *вўрды*; *вы́та* ‘брат’ — каз. *вўты*; *вы́на* ‘вино’ — каз. *вўна*; *вы́зидта* ‘зажечь’ — каз. *вўцитты*; *вы́рты* ‘красный’ — каз. *вўрты*; *вы́лы* ‘олень’ — каз. *вўлы*. В (DEWOS: 1549, 1586) такие соответствия встречаются для обдорского и березовского диалектов, ср. *winā* ‘вино’ в обдорском и *vj-* ‘брат’ в березовском.

Для обозначения огубленных гласных, тем самым, используются (в начале слова или после твердых согласных) две буквы — *о* и *у*; периферийно встречаются также буквы *а* и *ы*, отражающие, по-видимому, чередования соответствующих гласных фонем в задокументированных Вологодским идиомах. В описаниях западных диалектов хантыйского языка выделяется четыре огубленные гласные (см. (Николаева, 1995: 23) об усть-собском говоре приуральского диалекта, (Rédei, 1965: 17–18) о шурышкарском диалекте, (Кошкарева, Соловар, 2007: 5) о казымском диалекте, (Honti, 1986: 22) о березовском, низямском, шеркальском диалектах); в усть-полуйском говоре приуральского диалекта выделяется три огубленные гласные (Николаева, 1995: 23). В этой точке система записи памятника оказывается, по-видимому, менее подробной по сравнению с ожидаемой, исходя из существующих описаний, системой гласных фонем.

2.2 Непервые слоги

Из перечисленных в разделе 2.1 гласных фонем в непервых слогах используются, согласна (Кошкарева, 2013: 50), фонемы /a/, /e/, /i/; в составе композитов возможны также другие перечисленные гласные. Они передаются в памятнике так же, как и в первом слоге.

Только в непервых слогах используется фонема /ə/. В памятнике ее может передавать целый ряд букв для гласных, ср.: *ле́пытъ* ‘мягкий’ — каз. *лэпэт*; *мо́рымъ* ‘морщина’ — каз. *морэм*; *ты́лсинѣ* ‘месячный’ — каз. *тылциң*; *у́ксима* ‘мерзко’ — каз. *ўкцэма*; *ту́тъ* ю́гетъ ‘дрова; букв.: огненные палки’ — каз. *тўт йўхэт*; *су́гот* летъ ‘выщипывают’ — каз. *сөхтэлэт*; *по́стата* ‘метить’ — каз. *постэты*; *ты́ылтась* ‘создал’ — каз. *тывалтэс*; *ло́нсякъ* ‘мыло’ — каз. *луңцэх*; *по́иксята* ‘молиться’ — каз. *пойэцэты*; *су́гумъ* ‘нитка’ — каз. *сухам*; *ню́румъ* ‘болото’ — каз. *нўрэм*; *со́голь* ‘доска’ — каз. *сөхэл*; *ро́гопъ* ‘ложь’ — каз. *рохэп*. Это типично и для более поздних этапов развития хантыйской письменности; выбор конкретной буквы может отражать особенности коартикуляции /ə/ в различном фонетическом окружении, см. (Николаева, 1995: 24; Кошкарева, 2013: 56–64).

В сочетаниях согласных фонема /ə/ может не получать специального отражения на письме: *ха́дль* ‘солнце’ — каз. *хэтэл*; *ке́рдта* ‘кружить’ — каз. *керэтты*; *му́лдта* ‘заклинать’ — каз. *мўдэтты*; *пи́дсь* ‘упал’ — каз. *питэс*. Это также стандартно для многих пись-

менных источников на хантыйском языке. Обсуждение стоящих за этой проблемой вопросов фонологического описания см., в частности, в (Nikolaeva, 2000).

3. Словесное ударение

В словаре Вологодского обозначается словесное ударение. Чаще всего для этого используется символ «'», ср. *то'рымь му'у-и льб'я во'х лы'л'ись э'т'лтыта луель ве'ськата во'лымодеть* 'Бог нисходил в ад (букв.: спускался под землю), чтобы вывести праведников (букв.: правильно живущих)'. Обычно ударение падает на первый слог (см. многочисленные примеры по тексту статьи), однако оно возможно и на непервых слогах. В частности, ударение может падать на звук [a] в непервых слогах, ср. *падла'мь* 'темный' — каз. *п'атлам*, *па'лта'пынгъ* 'страшный' — каз. *п'адтап'эң*, *ло'ла'та* 'таять' — каз. *лудаты*. Кроме того, фиксируются примеры, где ударение проставлено на суффиксах производных глаголов: *шо-ка'сьтахо* 'сирота' — каз. *ш'окащты х'э* (букв.: горящий человек, ср. *ш'ок* 'горе'), *сыя'лтыта* 'славить' — ср. каз. *сый* 'звук, шум', *руве'мата* 'молоть, пустословить' — каз. *р'увематы* (ср. *р'ув* 'жара, зной, пыль'), *ка'ле'маты* 'алеть' — каз. *к'ад'ематы* (ср. *к'алды* 'кровь'), *тыне'сыпса* 'торг' — каз. *тын'с'эпсы* (ср. *тын* 'цена'). Примеры, в которых ударный слог в хантыйских диалектах сменяется в различных формах парадигмы, обсуждались также в (Норманская, 2018: 387–465). Исследование с этой точки зрения материалов, зафиксированных в словаре Вологодского, может быть продолжено в дальнейшем.

В некоторых случаях в рассматриваемом памятнике также применяется символ «`», обозначающий, по-видимому, некоторое второстепенное ударение. Оно встречается в местоимениях (*л'у хоз'я хо'сь_инкь ан_ка'д'ля'ль* 'У него моча не держится' — каз. *л'ув хуца хус йиңк'ан кат'эщ'эд*; *То'рымь а'зи ху'лтма м'а по'иксинсаемь* 'Бог-отец, услышь мою молитву' — каз. *Т'эрэм ащи, х'эда ма по'й'экищ'эпсый'ем*), числительных (*та'ми то'пъ_и хора'зъ* 'это один только вид' — каз. *т'айми т'эп и хурас*), послелогов (*мо'с'ль ло'н'гемата иб'лта саг'атъ* 'надо зайти сзади' — каз. *мос'эд лу'н'ематы йуд'та сах'эт*; *е'зя л'т'ь лу' хоз'я э'дта* 'выйди к нему навстречу' — каз. *й'эщ'эдт л'ув хуца ета*), частицах (*ны'нгъ п'а лу'е'ль се'ма па'ыт'лень* 'ты опять его увидишь; букв.: в глаз уронишь' — каз. *н'аң па л'ув'эд сема пав'эт'дэн*).

Символ «'» фиксируется и в некоторых знаменательных словах: *таг'а* 'место' — каз. *т'ахи*; *а'й пор'а* 'молодость; букв.: молодое время' — каз. *ай пура*; *нуж'а* 'нужда' — каз. *н'уша*; *ру'а* 'круто' — каз. *р'ува*; *ибур'а* 'кривой' — каз. *й'увра*; *а'л'а* 'разведи (костер)' — каз. *а'ла*; *ен'а* 'истинно' — каз. *йина*; *сед'ы* 'здесь' — каз. *щ'ата*. В приведенных примерах такое маркирование ударения наблюдается, если оно падает на открытый последний слог. В других случаях постановки ударения на непервом слоге используется символ «'», см. *има'з'ьта* 'мириться' — каз. *й'амащты*; *хора'мь* 'красота' — каз. *хурам*; *перна'я* 'на крест' — каз. *п'ернайа*; *лявытыпса'ингъ* 'бранный' — каз. *л'ав'эт'эпсый'эң*.

В предшествующих работах, насколько нам известно, не отмечено противопоставлений в типе ударения в зависимости от морфосинтаксического класса лексемы, а также особенностей ударения на открытом конечном слоге. Так, в (Николаева, 1995: 32) утверждается об обдорском диалекте, что ударение падает в большинстве случаев на первый слог, но может падать на второй слог, «если гласный первого слога является кратким гласным или долгим узким гласным, а гласный второго (чаще всего, но необязательно, закрытого) слога — долгим широким гласным» (сходная картина наблюдается и в приведенных выше примерах из памятника с ударным [a] во втором слоге). В казымском диалекте, согласно (Каксин, 2007: 24), в двусложных словах ударение почти всегда падает на первый слог. В грамматиках И. А. Николаевой и А. Д. Каксина, а также в работе (Rédei, 1965: 28), посвященной шурышкарскому диалекту, отмечается существование второстепенных ударений на третьем, пятом и т. д. слогах многосложных слов, однако такие ударения не проставлены в словаре

Вологодского. Заметим также, что такое сочетание знаков ударения может следовать церковнославянской традиции

4. Консонантизм

Употребление букв для согласных в целом предсказуемо исходя из их использования в русской графике. Специальных пояснений требуют следующие случаи.

В словаре часто обозначается позиционное озвончение согласных, не имеющее в хантыйском языке фонологического статуса и не отражаемое в современной орфографии (см., например, (Кошкарева, Соловар, 2007: 8)): *лы'быть* 'лист' — каз. *лыпэт*; *у'ндые* 'лесок' — каз. *вэнтыйэ*; *'лезя'дта* 'ладить' — каз. *лэцатты*; *таге'нгъ* 'местный' — каз. *тэхэң* и мн. др.

Необходимо, кроме того, рассмотреть вопрос об отражении в памятнике латеральных согласных. Фонема /л/ обозначается буквой *л*: *ло'тые* 'лунка, ямочка' — каз. *лотыйэ*; *лы'птынгъ* 'лиственный' — каз. *лыптэң*; *пе'лакъ* 'половина' — каз. *пелэк*; *та'каль* 'клок' — каз. *тэкэл*.

Фонема /л/ передается с помощью графемы 'л, см. *ло'стымь* 'моченый' — каз. *лустэм*; *хы'леть* 'внуки' — каз. *хлэт*; *ху'с'ла* 'тихо' — каз. *хэсда*; *ху'ль* 'рыба' — каз. *хүд*¹⁰. В отдельных случаях фиксируется соответствие казымского /л/ и буквы *л* в памятнике (*ла'нтъ* 'мука' — каз. *дант*; *ид'улыпса* 'махание' — каз. *йовэдэпсы*; *ке'рлыпса* 'поворот' — каз. *кердэпсы*); при этом те же лексемы, как правило, встречаются в других фрагментах памятника с 'л.

Фонеме /л/ казымского диалекта соответствует, как правило, та же графема 'л (*о'лпъ* 'краска' — каз. *олэп*; *'ля'ль* 'войско' — каз. *даль*; *во'лихъ* 'скользя' — каз. *вүльэк*; *хы'и'лата* 'кидать' — каз. *хайльэты*), в ряде случаев с добавлением ь (*ло'льта* 'стоять' — каз. *дольты*, *'ля'льхо* 'солдат' — каз. *даль хө*). Кроме того, казымскому /л/ может соответствовать буква *л* без дополнительных символов (*лио'гыдта* 'мыть' — каз. *лүхэтты*; *ми'йлата* 'давать' — каз. *мильэты*; *и'пулянгъ* 'за раз' — каз. *и пүляң*) либо с последующим ь (*о'льпынгъ* 'красильный' — каз. *олэпэң*; *ку'ль_пожохъ* 'дьяволенок' — каз. *күль пушэх*).

Тем самым в памятнике отчетливо различаются два варианта обозначения латеральных согласных — *л* и 'л. Это соответствует системе обдорского диалекта (см. (Honti, 1986: 27; Николаева, 1995: 28)), тогда как в шурышкарском, казымском и березовском диалектах выделяются три латеральных согласных (ср. выше соответствия в казымском диалекте), см. (Rédei, 1965: 24; Honti 1986: 27; Кошкарева, Соловар, 2007: 8; Кошкарева (ред.), 2011: 162). С другой стороны, существование в памятнике сочетаний *ль* и 'ль может указывать на то, что составитель фиксировал, возможно, не вполне системно, и третий латеральный согласный, что характерно уже для березовского диалекта. Не исключена и ситуация записи разных словарных единиц от носителей разных идиомов, что могло сделать графическую систему словаря неединообразной (ср. эксплицитную фиксацию идиомных различий в употреблении лабиализованных гласных, описанную в разделе 2.1).

Для обозначения заднеязычного /ŋ/ или сочетания /ŋχ/ в словаре используется особая графема *нгъ*: *хотнгынгъ* 'лебединый' — каз. *хутңэң*; *хо'нгдепъ* 'лестница' — каз. *хоңтеп*; *пе'лнгда* 'комар' — каз. *пелңа*; *я'нгыпса* 'хождение' — каз. *йаңхэпсы*. Встречается и графема *нхъ*: *о'нхъ* 'смола' — каз. *өңх*, *я'нхъта* 'ходить' — каз. *йаңхты*. Сочетание фонем /ŋк/ обозначается графемой *нкъ*: *а'нкъе* 'мамочка' — каз. *аңкийэ*; *и'нкна* 'в воде' — каз. *йиңкэн*; *ше'нкъ* 'очень' — каз. *шеңк*.

Фонема /w/ в позиции между гласными часто не отражается специальной буквой для согласного: *ру'удта* 'мешать, перемешивать' — каз. *рүвэтты*; *ты'ы'лтасъ* 'создал' — каз.

¹⁰ В слове *э'льта* 'из' — каз. *елты* казымскому /л/ соответствует сочетание 'ль.

тывэлтэс; іб'у'лыта 'метать' — каз. *йовэлты*. То же типично и для финальной позиции в словоформе (*ве'ы* 'сила' — каз. *вэв; я'нуу* 'ленивый' — каз. *йәнэв; лу'у* 'кость' — каз. *лўв*). По-видимому, это объясняется билабиальным характером фонемы /w/ в говорах, задокументированных Вологодским, ср. такую артикуляционную характеристику этой фонемы в (Nikolaeva, 1999: 6; Кошкарева, Соловар, 2007: 74). В других случаях (и иногда в позиции между гласными) она передается буквой *в* (*ве'рымь* 'сделанный' — каз. *верэм; ло'нсякь ка'выртоть* 'мыловар' — каз. *луңцах кавэртты ут; э'ви* 'девушка' — каз. *эви; ма'вынѣ* 'медовый' — каз. *мавэң*).

Начальным сочетаниям *вў-* и *вө-* казымского диалекта в некоторых случаях соответствует *у-* в памятнике: *у'рь* 'линия' — каз. *вўр; уз'я ве'рта* 'здороваться' — каз. *вўца верты; у'жа* 'до' — каз. *вўша; у'лта* 'быть, жить' — каз. *вөдты; у'нтна* 'в лесу' — каз. *вөнтэн; у'нь* 'большой' — каз. *вөн*. Такое употребление начального лабиализованного гласного фиксировалось в обдорском, шурышкарском, березовском, низямском, шеркальском диалектах, ср. словарные статьи приведенных в этом абзаце лексем в (DEWOS: 1555, 1600, 1619).

Заметим также, что фонеме /š/ казымского диалекта в словаре Вологодского соответствует в подавляющем большинстве случаев буква *ш* (либо буква *ж*, см. выше об отражении озвончения): *шука'тыпса* 'ломание' — каз. *шўкатэпсы; о'тшамь* 'глупый' — каз. *утшам; не'шь* 'даже' — каз. *неш; ке'жи* 'нож' — каз. *кэши*. Учитывая, что в словарь включены материалы обдорского диалекта, можно было бы ожидать мены фонемы /š/ на фонему /s/ и, соответственно, использования буквы *с*, поскольку эта фонетическая черта характерна для обдорского диалекта (см. (Honti, 1986: 13; Кошкарева (ред.), 2011: 161)). Однако такие примеры для памятника не характерны; случаи смешения букв *ш* и *с* единичны, см. *по'лсынѣынѣ* 'сопливый' — каз. *пулиэңэң*.

5. Заключение

Как показало наше исследование, в словаре Вологодского сочетаются черты обдорского и березовского диалектов, с которыми он ранее связывался; при этом в разных точках могут проявляться черты разных диалектов.

В памятнике, в частности, имеются случаи смешения букв *о* и *а* (за которыми, по-видимому, стоит мена фонем /ɔ/ и /a/), что ранее отмечалось для обдорского диалекта. В употреблении букв *о* и *у* в словаре эксплицитно отмечены регулярные соответствия между обдорским и березовским диалектами. В обоих этих диалектах имеются случаи утраты начального /w/ в сочетании с огубленными гласными, что встречается и в анализируемом памятнике. В то же время в памятнике не происходит смешения букв *ш* и *с* (либо утраты буквы *ш*) — тем самым можно предполагать, что в зафиксированных составителем идиомах различались фонемы /š/ и /s/, что нехарактерно для обдорского диалекта, но характерно для более южных диалектов западного массива.

В некоторых случаях можно предполагать, что графическая система памятника не отражает каких-либо из существующих в хантыйском языке фонологических противопоставлений — ср., например, отражение одной и той же буквой *а* фонем /a/ и /ǎ/, устойчиво различающихся в западных хантыйских диалектах, но не всегда противопоставленных на уровне орфографии и по сей день. Более сложный случай представляют латеральные согласные: в памятнике устойчиво противопоставляются графемы *л* и 'л, что может указывать на дву-членную оппозицию этих согласных, характерную для современного обдорского диалекта. С другой стороны, спорадические сочетания этих букв с *ь* не исключают и того, что по крайней мере в части материалов составитель словаря задокументировал трехчленную оппозицию латеральных согласных, характерную уже для березовского и ряда других диалектов.

Отдельный интерес материал памятника представляет для исследования хантыйского ударения. В памятнике используются два символа, обозначающих ударение: по-видимому,

основное vs. второстепенное, характерное для служебных и для некоторых знаменательных слов, но не встречающееся в пределах одной словоформы с основным. Нельзя исключать влияние церковнославянского письма на выбор знаков для ударения. В целом, однако, устройство такой системы требует дальнейших исследований с привлечением материалов как из других хантыйских памятников, так и из современных диалектов.

Сокращения:

бер. — березовский диалект; каз. — казымский диалект; обд. — обдорский диалект.

Литература:

- Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.** Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Баско, 2011.
- Иванов В. А.** Фонетика говора с. Теги. Экспедиционный отчет. Рукопись. М.: МГУ, 2010.
- Каксин А. Д.** Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.
- Кашкин Е. В.** Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2019. №2. С. 22–37.
- Кошкарёва Н. Б.** Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78.
- Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.** Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: Гео, 2007.
- Куркина Г. Г.** Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Николаева И. А.** Обдорский диалект хантыйского языка. М., Гамбург: Институт языкознания РАН, Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Норманская Ю. В.** Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма. М.: Языки народов мира, 2018.
- Перевалова Е. В.** Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
- Соловар В. Н.** Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014.
- Хантыйская литература 2010 — Хантыйская литература: учеб. хрестоматия (в 4-х частях). Часть 1 / сост. Е. В. Косинцева. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Цысь О. П.** Научная деятельность православного духовенства Тобольского севера в XIX — начале XX вв. // Историко-педагогические чтения, № 17. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 634–644.
- Штейниц В.** Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. / ред. Прокофьев Г. Н. М., Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. С. 193–227.
- Ядбочева-Дресвянина В. Я.** Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс ... к. ф. н. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014.
- Языки России. Социолингвистический портрет. Электронная база данных: <https://iling-ran.ru/library/sociolingva/database/examplehtml.htm> (дата обращения: 21.10.2020).
- DEWOS — Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1–13. Lieferung / Steinitz W., Sauer G. u.a. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.
- Honti L.** Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986.
- Nikolaeva I.** Ostyak. München, Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva I.** The status of schwa in the phonological description of Northern Ostyak // Finnisch-ugrische Mitteilungen. 2000. Vol. 23. P. 121–148.
- Rédei K.** Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington: Indiana University Publications, 1965.
- Steinitz W.** Ostjakologische Arbeiten. Band I. Berlin: Akademie Verlag, 1975.

Кашкин Егор Владимирович, кандидат филологических наук.

Научный сотрудник.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Ул. Волхонка, д. 18/2, г. Москва, 119019.

Старший научный сотрудник.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, д. 36, г. Томск, Томская область, 634050.

Старший научный сотрудник.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. А. Солженицына, д. 25, г. Москва, 109004.

E-mail: egorka1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 22 октября 2020 г.

E. V. Kashkin

KHANTY DICTIONARY BY THE PRIEST VOLOGODSKY: PECULIARITIES OF THE GRAPHICAL SYSTEM

The article deals with the graphical system of a Western Khanty manuscript — the Russian-Khanty dictionary created by the priest Vologodsky (1842). The language of this manuscript has not been described in detail so far; there is only some information about its history. I describe the inventory of graphical symbols used in the dictionary and discuss possible phonological correspondences for each of them in comparison with the data from the contemporary dialects of Western Khanty. The dictionary by Vologodsky has some features from Obdorsk and Berezovo dialects; different elements of the graphical (and phonological) system can show the characteristics of various dialects (thus, in many examples the letters *o* and *a* are mixed, which may correlate with the distribution of the phonemes /ɔ/ and /a/ in the Obdorsk dialect, but with few exceptions there is no mixing of the letters *u* and *c* / the phonemes /š/ and /s/, which would be expected in the Obdorsk dialect). For some cases we may, however, suggest that the graphical system of the manuscript does not show some of the existing phonological oppositions (cf. no graphical differentiation for the phonemes /a/ and /ǎ/ consistently distinguished in Western Khanty). Another issue is the marking of word stress, in particular when it falls on the non-first syllables, and the use of two different symbols for word stress: the primary and the most frequent one, and the secondary one occurring on function words, and also on some content words.

Keywords: *Khanty, manuscripts, graphics, phonetics, word stress.*

References:

- Cys' O. P.** Nauchnaja dejatel'nost' pravoslavnogo duhovenstva Tobol'skogo severa v XIX — nachale XX vv. [Academic activities of the Orthodox clergy in the Tobolsk north in the XIX – beginning of the XX century] // Istoriko-pedagogicheskie chtenija [Historical-pedagogical discussions], № 17. Ekaterinburg: Uralic State Pedagogical University, 2013. P. 634–644.
- DEWOS — Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1–13. Lieferung / Steinitz W., Sauer G. u.a. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.
- Hantyjskaja literatura: uceb. hrestomatija (v 4-h chastjah). Chast' 1 [Khanty literature: chrestomathy (in 4 parts). Part 1] / ed. by E. V. Kosinceva. Hanty-Mansijsk: IIC JuGU, 2010.
- Honti L.** Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986.
- Ivanov V. A.** Fonetika govora s. Tegi [Phonetics of the Tegi subdialect]. Report on fieldwork. Manuscript. Moscow: MSU, 2010.
- Jadobcheva-Dresvjanina V. Ja.** Sklonenie i sprjazhenie v obdorskom dialekte hantyjskogo jazyka [Declension and conjugation in the Obdorsk dialect of Khanty]. Cand. diss. in philology. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2014.
- Jazyki Rossii. Sociolingvisticheskiy portret [Languages of Russia. Sociolinguistic portrait]. Online database: <https://iling-ran.ru/library/sociolingva/database/examplehtml.htm> (accessed on 21.10.2020).
- Kaksin A. D.** Kazym'skij dialekt hantyjskogo jazyka [The Kazym dialect of Khanty]. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2007.

- Kashkin E. V.** Pamjatnik hantyjskoj pis'mennosti «Svjashhennaja istorija» (Tobol'sk, 1900): imennaja morfologija [Khanty manuscript "Holy history" (Tobolsk, 1900): nominal morphology] // Ural-Altai Studies. 2019. № 2. P. 22–37.
- Koshkareva N. B.** Aktual'nye voprosy sovershenstvovanija hantyjskoj grafiki i orfografii [Current issues in the development of Khanty graphics and orthography] // Bulletin of Ugric studies. 2013. № 3 (14). P. 47–78.
- Koshkareva N. B., Solovar V. N.** Uwti möj üwti. Kurs praktičeskoj fonetiki hantyjskogo jazyka (kazymskij dialekt) [Uwti möj üwti. A course of practical phonetics of Kazym Khanty]. Novosibirsk: Geo, 2007.
- Kurkina G. G.** Vokalizm hantyjskogo jazyka (eksperimental'noe issledovanie) [The vocalism of Khanty (an experiment-based study)]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2000.
- Nikolaeva I. A.** Obdorskij dialekt hantyjskogo jazyka [The Obdorsk dialect of Khanty]. Moscow, Hamburg: IL RAS, Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.
- Nikolaeva I.** Ostyak. München, Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva I.** The status of schwa in the phonological description of Northern Ostyak // Finnisch-ugrische Mitteilungen. 2000. Vol. 23. P. 121–148.
- Normanskaja Ju. V.** Rekonstrukcija praural'skogo raznomestnogo udarenija i ego vlijanie na razvitie sistemy vokalizma [Reconstruction of the Proto-Uralic alternating stress and its influence on the development of the vocalic system]. Moscow: Jazyki narodov mira, 2018.
- Perevalova E. V.** Severnye hanty: etniceskaja istorija [Northern Khanty people: ethnic history]. Ekaterinburg: Uralic branch of the RAS, 2004.
- Rédei K.** Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington: Indiana University Publications, 1965.
- Solovar V. N.** Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt) [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tjumen': OOO «Format», 2014.
- Steinitz W.** Hantyjskij (ostjackij) jazyk [Khanty (Ostyak) language] // Jazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 1 [Languages and writing systems of the North]. / ed. by Prokofev G. N. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo, 1937. P. 193–227.
- Steinitz W.** Ostjakologische Arbeiten. Band I. Berlin: Akademie Verlag, 1975.
- Val'gamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanov A. A.** Dialektologičeskij slovar' hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty) [Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects)] / ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg: Basko, 2011.

Kashkin E. V., candidate of philology.

Researcher.

RAS, Vinogradov Russian Language Institute.

18/2 Volkhonka st., Moscow, 119019.

Senior researcher.

National Research Tomsk State University.

36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050.

Senior researcher.

RAS, Ivannikov Institute for System Programming.

A. Solzhenitsyn st., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: egorka1988@gmail.com